
ПОСТКРИЗИСНЫЙ ДИАЛОГ РОССИИ И ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И НОВЫЕ ЧЕРТЫ

И.А. Мальковская

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматриваются проблемы диалога России и Европы в контексте исторических закономерностей, обусловленных фактором восприятия общества, его политических лидеров и их политических ориентаций.

Ключевые слова: диалог, восприятие, модернизация, модернизаторская парадигма, транзитология, тоталитаризм, посткризисный мир, целерациональное действие, кризис, развитие, знание, социальное обустройство.

Посткризисный диалог России и Европы обретает новые черты на фоне переосмотра целого ряда мировоззренческих и методологических ориентиров последнего десятилетия. Но есть и определенные закономерности диалога, обусловленные эволюцией восприятия нашей страны на Западе на протяжении 300 лет. Характер восприятия нашей страны накладывает свой отпечаток и на российско-европейское взаимодействие — политическое и экономическое, а также на строительство новых институтов сотрудничества, на интеграционные процессы.

Характерно, что на «окраску» восприятия России на Западе — позитивную или негативную — влиял не столько объект восприятия — наша страна, сколько те проблемы, которые в этот период обозначались в самих западных обществах и были связаны с их движением (успешным или менее успешным) по пути модернизации и развития. Россия воспринималась и, мы полагаем, воспринимается сегодня западным обществом сквозь призму его собственных кризисов и противоречий, политических и геополитических проблем. Современная ситуация являет яркий тому пример. Но обратимся к концу 1990-х гг.

В конце 1999 г. в России вышла книга известного американского историка и советолога Мартина Малиа «Россия глазами Запада: от Медного Всадника до Мавзолея». Автор изучает культурную элиту Запада и считает, что это «именно тот уровень дискурса, который управляет репрезентациями России на Западе» [1. Р. 11]. М. Малиа пытается понять, как видит Запад Россию, что меняется в оценках нашей страны и под влиянием каких обстоятельств. Умонастроение западного мира по отношению к России на протяжении длительного времени определялось соответствующими критериями: знания (просвещения) и социального обустройства (демократического или тоталитарного).

Таким образом, считает М. Малиа, Европа видела в своем соседе или «просвещенную деспотию», возглавляемую просвещенными и динамичными правительствами, ведущими страну по пути модернизации и реформ (так оценивались, к примеру, Екатерина II и Александр I), или, напротив, Россия представляла в образе «восточной тоталитарной деспотии», в которой правил царь (оценка дается Николаю II) — «жандарм Европы», враг свободы и конституционализма. Россия этого периода сравнивалась с презираемой Турцией, а не с просвещенной Европой.

Позиция Европы относительно окружающего ее другого мира кардинально изменилась после Второй мировой войны. Именно в этот период исходная доминанта оценки другого общества с позиций некогда безусловного европейского превосходства стала меняться, изменился и главенствующий статус самой Европы. В 1949 г. выдающийся немецкий мыслитель и исследователь европейской цивилизации К. Ясперс писал: «В конце XIX в. казалось, что Европа господствует над миром...

Как все изменилось с тех пор! Восприняв европейскую технику и национальные требования европейских стран, мир стал европейским и с успехом обратил то и другое против Европы. Европа — старая Европа — уже не является господствующим фактором в мире. Она отступила перед Америкой и Россией; от их политики зависит теперь судьба Европа — разве только Европа сумеет в последнюю минуту объединиться и окажется достаточно сильной, чтобы сохранять нейтралитет, когда разрушительные бури новой мировой войны разразятся над нашей планетой.

Правда, европейский дух проник теперь в Америку и Россию, но это — не Европа. Американцы... по своим устремлениям обладают иным самосознанием и нашли на иной почве новые истоки своего бытия. Русские же сформировались на своей особой почве, на востоке, восприняв черты своих европейских и азиатских народностей и духовное влияние Византии.

Значение Китая и Индии, сегодня еще не выступающих в роли решающих сил, со временем будет расти. Эти громадные массы людей с их глубокими уникальными традициями станут важной составной частью человечества совместно со всеми другими народами, которые, будучи втянуты в нынешнюю преобразенную сферу человеческого бытия, ищут свой путь» [2. С. 97—98].

Прогнозы Ясперса в значительной степени осуществились. Европа после Второй мировой войны начала стремительный процесс объединения. В этот же период на Западе были созданы две теории, имевшие целью объяснить ход мирового развития в XX в., — теории тоталитаризма и модернизации, теории очень схожие с изначальными установками на Россию XIX в. Возможно, эти теории и происходили из начальных установок на то, что такое «хорошо» и что такое «плохо» по-европейски. Предложенные теории, по сути, продолжали западную традицию мировосприятия и оценки окружающих обществ. Эти теории определили и отношение к России в векторе движения исторического маятника в XX и начале XXI в.

Применение к СССР теории тоталитаризма усилило представление о фундаментальной противоположности российской цивилизации западной. Российская цивилизация не модернизировалась в западном понимании. Экономическое развитие не соответствовало структурным преобразованиям, росту демократических институтов и человеческих свобод. Рядом западных авторов идея конвергенции России с Западом принципиально отвергалась в силу той цены в миллионы человеческих жизней, которую наша страна вынуждена была заплатить за свое развитие в условиях социалистической индустриализации.

После распада СССР в западном общественном мнении, правда, с большой долей сомнения вновь стало утверждаться представление о возобновлении процес-

са конвергенции возрожденной России с Западом. Возникло ощущение, что маятник начал движение в обратном направлении. Запад уповал на построение в России рыночной экономики и гражданского общества. «Шансы России на конвергенцию с западной цивилизацией значительно увеличились», — писал в своей книге М. Малиа.

Конвергенция предполагает установление взаимопонимания. Но что может лежать в его основе? Общая модернизаторская парадигма, предполагающая переход на путь западного развития, постмодернизация, вовлекающая на правах равных участников и европейцев, и русских в изменяющийся мир или диалог, проясняющий исторические корни «сходства-различия»?

Между тем переход России на рельсы западного модернизаторского проекта вызывал критику не только в России, но и на Западе. «Предположение, что Россия должна находиться в процессе перехода к обществу западного типа и даже к системе американского образца, с политической и культурной точек зрения, является чистой самонадеянностью, — пишет профессор Нью-Йоркского университета С. Коэн. — Это высокомерное, телеологическое и детерминистское предположение есть академическое выражение американских постсоветских триумфальных настроений, псевдонаучная версия знаменитого тезиса Фрэнсиса Фукуямы о „конце истории“, о котором сегодня даже сам его автор говорит, что он оказался ложным» [3. С. 147—148].

Модернизаторская парадигма развития, реализующая в определенных исторических условиях «техно-логику» европейского проекта модерна, ничего не говорит о культуре общества, его исторической традиции и судьбе. Транзитология практически исключает веберовскую традицию в социальных науках с ее акцентом на роли исторических, социальных и культурных факторов. Модернизаторское мировидение снимает историческое и культурное видение партнера. «Окончательным результатом подобного подхода стало создание изучения России без России», — отмечает Коэн [3. С. 150].

Постепенный отказ от модернизаторского мировидения, обращение к значимости культуры Другого в плюралистическом обществе, новая мировоззренческая триада, доминирующая в общественном умонастроении западного мира (плюрализм, толерантность, свобода), свидетельствовали о новых акцентах западного восприятия иных обществ. «Нам необходимо то, чего нам часто не хватало на протяжении десятилетий: осознания своеобразия, сложности и проблематичности изучения России, интереса к самой России» [3. С. 151]. Интерес к России стал возрождаться и обретать новые черты.

Однако в последние годы возникли серьезные социально-экономические, культурные и политические проблемы в самих западных обществах. Мир вошел в экономический кризис. Упования на глобализацию не оправдались. Казалось бы, мир окончательно включился в единый процесс развития, мировой рынок стал бесспорной доминантой. Еще шаг — и осуществится слияние континентального мира, во всяком случае, России и Европы. Но упование на глобализацию как фактор интеграции не оправдалось. Глобализация и ее проявления в финансовой сфере обернулись кризисом, глубоко затронувшим западный мир и отделившим локальные

общества друг от друга. Перед Евросоюзом встала острая политическая проблема сохранения единства и недопущение распада еврозоны. Страны вновь сосредотачиваются на себе и видят в других не столько партнеров, сколько конкурентов.

Геополитические интересы в современном мире долгое время были прикрыты информационно-коммуникационными сетями. Приобщение к феномену глобализации было сосредоточено почти исключительно на техно-информационных и экономических характеристиках: возрастании роли знаний, образования, интеллектуального капитала; развитии информационной экономики и телекоммуникационных систем, массмедиа, Интернета, позволяющих реализовывать человеческие взаимодействия в диалоговом интерактивном режиме. Общества пережили приятную кратковременную эйфорию, уповая на общедоступность образования, сокращение в этой связи социального разрыва между образованной и необразованной частью населения, открывающимися возможностями для формирования интеллектуального капитала и выравнивания уровней социально-экономического развития. Казалось, еще один новый импульс, еще шаг — и европейцы и русские станут жителями той самой «информационной деревни» Маклюэна, открывающей равные доступы всем своим обитателям к информации, коммуникации, знаниям и управлению. Казалось, государственные и политические интересы отошли на второй план и государство действительно стало «ностальгической иллюзией» (К. Омае). Но развития столь позитивного сценария всеобщей «коммуницируемости», взаимосвязанности и сотрудничества не произошло.

Техно-информационные параметры глобализации на волне наступающего кризиса породили еще большие различия в уровне и образе жизни, еще сильнее углубили межпоколенные и межстрановые разрывы, дифференциацию между образованными и необразованными людьми. И носители информации сыграли в этом процессе ключевую роль. Скорее всего, человек даже не успел осознать, как коммуникационные средства, в буквальном смысле слова вырвавшись из рук создателей, стали видоизменять человеческую коммуникацию, а вместе с ней и весь окружающий человека социальный мир. Прогнозы Маклюэна вплотную подошли к реальности. Но реальность оказалась значительно сложнее.

В своей работе «Упадок американской мощи. США в хаотическом мире» американский социолог И. Валлерстайн высказывает сомнение относительно способности Европейского союза сблизиться с Россией и предполагает, что такая позиция ослабит Западную Европу перед лицом США. России, по мысли Валлерстайна, также придется все более беспокоиться о своем внутреннем единстве. Помочь открыть дверь в будущее может только человеческая рациональность [4]. Способны ли будут общества, человеческий разум выйти за границы исторически сложившихся границ, в рамках которых столетия раскачивался маятник «вражда—примирение»?

Однако парадигма знания и основанного на нем целерационального действия — столпов европейского мировоззрения — становится в последние годы также все более уязвимой и расплывчатой на фоне провала многих мультикультурных проектов. Появилось убеждение, что Запад становится «меньшинством мира», сжимающимся подобно шагреновой коже, несмотря на свою экономическую и политическую экспансию, а история человечества перестает быть историей западной

цивилизации и Севера планеты. Эта точка зрения также получила свое косвенное подтверждение в результате обрушившегося на Западную Европу экономического кризиса, обострившего социальные, культурные, политические и национальные проблемы западного мира.

Кризис суверенного государства, представительной демократии, частной и публичной сфер общественной жизни в традиционном понимании обращают европейских исследователей к анализу собственных социально-экономических проблем. Европа в посткризисном мире все более концентрируется на собственных проблемах: на угрозах, внутренних и внешних, которых ей следует ожидать и опасаться; на политических решениях, которые ей следует неотложно принимать. Расположенный на континентальном пространстве многоликий, многокультурный и многоязычный Евросоюз, превышающий более чем в два раза население России, все более приближается к ее границам, уже поглотив часть бывших советских социалистических республик, и объективно требует все больше энергетических и природных ресурсов от соседа.

Западная, точнее, европейская парадигма восприятия России стремительно меняется. Россия рассматривается и как надежный европейский партнер (в контексте идеи «Европы до Урала» и даже до Владивостока), и как «буфер», отделяющий Европу от другого соседа России — стремительно развивающегося Китая. Европейцы видят в России и возможность увеличения мощи Европы, и в то же время средство ее защиты.

Метафорически Россия и Европа примыкают друг к другу, как два огромных айсберга, и последствия такого сближения «титанов» могут быть как разрушительными, так и созидательными. Но сближаются не природные, а социальные объекты. Поэтому пути построения нового пространства, новых «дорожных карт» стоят на повестке дня. Необходимость диалога культур сегодня никто ни в России, ни в Европе не отрицает, тем более что сближаются общества, являющиеся исторически носителями христианской культуры с присущими ей традициями, системой ценностей и взглядов на мир.

Ряд авторов предлагают использовать в качестве «ключа» для нового взаимодействия принцип толерантности, который следует применять и на местном, и на международном уровне [5. Р. 305].

Представляется, что вопрос стоит сегодня уже не о диалоге, а о новых принципах взаимодействия, новых интеграционных процессах, институционализации интерактивных действий в новые формы надгосударственных, межгосударственных, общественных организаций, учреждений. Многообразие объединений, действующих акторов, их учет и анализ делают процесс решения проблем взаимопонимания и консолидации обществ, необходимый участникам современного исторического процесса, более верифицируемым.

В этой связи проблема взаимодействия развивается сегодня, следуя традиции М. Вебера, с одной стороны, как проблема институционально закрепленного процесса образования политической воли, а с другой — спонтанно возникшего процесса, в который включена общественность. «В данной связи понятие „обществен-

ность“ (Offentlichkeit) воспринимается и действует как нормативное. Свободные ассоциации образуют узловые пункты коммуникативной сети, возникающей из переплетения различных автономных объединений общественности (Offentlichkeiten). Ассоциации специализируются на производстве и распространении практических убеждений, т.е. они должны служить тому, чтобы открывать значимые для всего общества темы, способствовать выработке предложений для возможного решения тех или иных проблем, интерпретировать ценности, производить на свет хорошие, полезные для общества доводы и разоблачать, обесценивать плохие... Они, эти ассоциации... способствуют широчайшему изменению установок и ценностей» [6. С. 72—73]. Современные мыслители стремятся реабилитировать основные философские ценности модерна — рациональность и универсальность — и показать перспективу аргументированного, этически обоснованного дискурса как единственно возможного способа установления консенсусного порядка и вытекающего из него «всеобъемлющего коммуникативного сообщества», которое, возможно, и станет реальным прообразом институциональной конвергенции будущего.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Malia M.* Russia under Western eyes: From the Bronze Horseman to the Lenin Mausoleum. — Cambridge (Mass.), 1999.
- [2] *Ясперс К.* Смысл и назначение истории. — М.: Республика, 1994.
- [3] *Коэн С.* Изучение России без России: крах американской постсоветологии // Россия и современный мир. — 2003. — № 16.
- [4] *Wallerstein I.* The Decline of American Power. The U.S. in Chaotic World. — N.Y.; The New Press, 2003.
- [5] *Etica, Crise e Sociedade.* Coordenacao de Michel Renaud e Goncalo Marcelo. EdicoesHumus, Lisboa. 2011.
- [6] *Хабермас Ю.* Демократия, разум, нравственность. — М.: АКАДЕМИА, 1995.

POST-CRISIS DIALOGUE BETWEEN RUSSIA AND EUROPE: HISTORICAL PATTERNS AND THE NEW FEATURES

I.A. Malkovskaya

People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article considers the problem of the dialogue between Russia and Europe, its historical patterns caused by factors of perception of society, its political leaders and their political orientations.

Key words: dialogue, perception, modernization, paradigm of modernization, transitology, post-crisis world, rationalization, crisis, development knowledge, social arrangement.